

**Иосафат Кунцевич и «чудесное обращение»
патриарха Никона:
штрихи к истории одной легенды¹**

Корзо Маргарита Анатольевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная 12/1, Москва, Российская Федерация
E-mail: korzor@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6299-5187

Цитирование

Корзо М. А. Иосафат Кунцевич и «чудесное обращение» патриарха Никона: штрихи к истории одной легенды // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 12–25. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.01

Статья поступила в редакцию 30.11.2020.

Аннотация

В посвященных первому мученику униатской церкви в Речи Посполитой Иосафату Кунцевичу (1580–1623) агиографических памятниках конца XVII — первой половины XVIII в. можно встретить легенду о «чудесном обращении» в католицизм патриарха Московского Никона (1605–1681). Данное событие связывается с профанацией Никоном изображения Иосафата и последовавшими за этим покаянием патриарха и взыванием к заступничеству Кунцевича. Конверсия Никона, как считают униатские агиографы, и стала главной причиной последующей опалы патриарха. Созданное около 1672 г. описание данного «чуда» обрастает со временем различными подробностями и деталями, которые рождаются на основании слухов и домыслов, но также отражают определенную историческую реальность, пусть и в несколько искаженной форме. В статье анализируются самая поздняя из известных версий «чуда» (Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kunczewicza. Wilno, 1762) и этапы формирования отдельных сюжетных линий данной легенды;

---

¹ Хотелось бы выразить благодарность Е. В. Беляковой, Т. А. Опариной, С. К. Севастьяновой, П. В. Седову, М. Петрович и А. Гилю за полученные устные консультации.

делаются предположения о том, какие реальные события могли лечь в ее основу и почему данная легенда актуализируется в униатской агиографии Кунцевича именно в середине XVIII в.

Ключевые слова

Униатская агиография, Иосафат Кунцевич, патриарх Московский Никон.

Одной из функций агиографических сочинений раннего Нового времени было формирование определенной конфессиональной идентичности. Особо действенными в этом смысле становились жития и чудеса новых подвижников и святых, чья жизнь пришлась на эпоху напряженного религиозного противостояния XVI–XVII вв. Агиография конструировала историческое прошлое, расставляя все акценты «правильным» образом, а апелляция к событиям недавнего прошлого делала чудеса святых и подвижников еще более убедительными и реальными в глазах верующих. Особенно если в чудесах повествовалось о значительных по своему масштабу исторических событиях.

Одна из таких историй рассказывает о том, какую роль первый мученик униатской церкви архиепископ Полоцкий Иосафат Кунцевич (1580–1623) сыграл в «чудесном обращении» в католицизм патриарха Никона. Фигура Кунцевича была одной из ключевых для становления конфессиональной идентичности униатов, его культ активно пропагандировался не только василианами, но и иезуитами. Описание этого чуда встречается в единичных житиях Кунцевича последней трети XVII — середины XVIII в.; в 1762 г. оно было озвучено в устной проповеди василианина Порфирия Важинского (*Skarbek Porfiry Ważyński*, 1730–1804) в кафедральном соборе Полоцка², выйдя, таким образом, за рамки только письменного нарратива.

Интересующая нас история с момента своего появления до 1762 г. подвергалась расширению и обростала новыми историческими подробностями. Остановимся сначала на содержании легенды в том виде, как ее представил в своем поучении василианин Важинский.

В произнесенной, а затем и опубликованной проповеди на день блаженного Иосафата Важинский описывает наиболее значимые чудеса, совершенные Кунцевичем уже после кончины. И одно из этих

---

2 *Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kunczewicza <...> miane w katedrze Połockiej. Wilno, 1762.*

чудес — обращение в католицизм патриарха Никона. История гласит, что после своей интронизации Никон стал уговаривать царя Алексея Михайловича, чтобы тот сделал его «папой, равным Римскому». Чтобы достичь своей цели, Никон повелел напечатать перевод «Константинова дара», с помощью которого стремился обосновать значительные полномочия церковной власти и ее независимость от власти светской³. Притязания Никона, как повествует Важинский, вызвали негодование представителей московской знати, под давлением которых царь «перестал и думать о папстве Никона», да и сам патриарх, «застыдившись, от своих дерзких мыслей отказался, довольствуясь своим патриаршим достоинством». Искренним смирением и отказом от первоначальных замыслов Никон впоследствии снискал особую благодать от Бога, явленную ему при посредничестве Кунцевича. Однажды, посещая в тюрьме плененных поляков, Никон отобрал у одного из них брошюру с изображением Иосафата, бросил ее в гнев на землю и истоптал ногами, за что был почти сразу поражен от Бога тяжелой болезнью. Позднее, «когда [патриарха] отнесли в палаты, <...> он приказал принесли растоптанную картинку и перед нею <...> с благочестием отслужить молебен, во время которого он <...> испрашивал у мученика прощения, и сразу же выздоровел». О произошедшем по всей Москве пошли слухи, которые подтверждали сами пленные — некий доминиканец Бальтазар Суский (*Baltazar Suski*) и выходец из Великого Княжества Литовского Василий Лускина (*Bazyli Łuski*). Последний из них, «взятый к патриарху в услужение, видел все своими глазами». После чудесного исцеления благодаря заступничеству Кунцевича, Никон переселился в основанный им монастырь и, «живя там в единстве святом с Церковью Римской, предавался суровому покаянию». И именно за свое обращение в католицизм, как повествует Важинский, патриарх и был назван еретиком и проклят на церковном соборе представителями русского и греческого духовенства. На этом же соборе Никон выступил с речью, в которой открыто признал, что только папа Римский имеет над ним власть и имеет право его судить⁴.

В изложенной Важинским истории можно выделить две основные сюжетные линии: церковно-политические амбиции Никона, который

3 Речь шла о включении «Константинового дара» в «Кормчую» (см.: Кормчая книга. М., 1653. Л. 738–747об.).

4 *Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Wł. Jozafata Kuncewicza. K. D2–D2v.*

захотел возвыситься как папа Римский, и чудесное обращение патриарха в католицизм посредством Иосафата Кунцевича. Анализ более ранних версий данного чуда первого униатского мученика свидетельствует о том, что эти сюжеты сформировались независимо друг от друга и, судя по всему, были восприняты униатской агиографической традицией из разных источников.

Самое раннее описание чуда встречается в агиографическом памятнике «*Korona złota nad głową zranioną b. m. Iozaphata Kuncewicza <...> z łacińskiego języka polskim objaśniona*» (Вильно, 1673). Перевод данного сочинения с латыни приписывается доминиканцу Доминику Малиновскому (*Dominik Malinowski*, ум. после 1678), а в качестве автора латинского издания называется иезуит Станислав Косинский (*Stanisław Kosiński*, ок. 1587 — 1657)⁵. Утверждение об авторстве Косинского надо признать сомнительным: в сочинении «*Korona złota*» представлены чудеса Кунцевича, датированные 1673 г. включительно; иезуит же скончался за 16 лет до публикации данного памятника. Если Косинский и был его автором, то Малиновский в процессе перевода существенно расширил текст. Датированное IX.1672 г. чудо № 149⁶ описывает только историю с профанацией Никоном образа Иосафата, за которой последовала тяжелая болезнь и чудесное исцеление патриарха после молебна перед образом униатского мученика. Здесь не говорится о переходе Никона в католицизм, нет и намек на его церковно-политические амбиции. Рассказавшим о случившемся под присягой свидетелем называется доминиканец Суский — «покровитель св. розария Минского монастыря русской провинции»⁷, который хотя и провел в московской тюрьме около 14 лет, но не был очевидцем произошедшего (как это акцентируется в версии Важинского), а узнал о событиях со слов находящегося в услужении у Никона «обывателя Оршанского повета Василия Лускины»⁸.

Интерпретация совершенного Кунцевичем чуда как главной причины перехода Никона в католицизм, а также описание папских ам-

5 Staropolskie piśmiennictwo hagiograficzne / red. A. Witkowska, J. Nastalska. Lublin, 2007. Т. I. S. 122, 149; Т. II. S. 78.

6 *Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kuncewicza*. К. К–Кв.

7 Некий Бальтазар Суский действительно фигурирует в картотеке членов ордена доминиканцев в Польше (информация получена от отца Иринеуша Высокинского, Архив Польской провинции доминиканцев, г. Краков). Детали его пленения и пребывания в Москве установить не удалось.

8 *Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kuncewicza*. К. К.

биций патриарха появляются в униатских памятниках лишь в первой трети XVIII в. Так, об этом пишет василианин Игнаци Кулчинский (*Ignacy Kulczyński*, 1707?–1747?)⁹ в составленной им агиографической истории «руської» церкви «*Specimen Ecclesiae Ruthenicae*» (Рим, 1733)¹⁰. Данная история впоследствии не фигурировала в материалах процесса канонизации Кунцевича в XIX в.¹¹; пока не удалось обнаружить и более поздних (после 1762 г.) житий Иосафата, в которых бы присутствовал данный сюжет.

Необходимо задаться вопросом о том, как вообще могла возникнуть такая легенда и в какой степени она отражала реальные исторические события, связанные с фигурой патриарха Никона.

Можно предположить, что сюжет с профанацией или уничтожением некоей брошюры, в которой было изображение Кунцевича (или какого-то иного деятеля униатской или католической церкви), действительно имел место в реальности: во-первых, изображения Иосафата присутствуют уже в ранних его житиях, изданных в виде брошюр вскоре после его кончины¹², а потому были достаточно широко доступны; во-вторых, опубликованные в Речи Посполитой польско- и латиноязычные книги не были редкостью в Москве второй половины XVII в. А потому не исключено, что если и не самому патриарху, то кому-то из его окружения действительно могла попасться на глаза брошюра (или только картинка?) с изображением Иосафата.

Закономерно возникает вопрос, как информация (или слухи) о профанации изображения Кунцевича могла попасть в пределы польско-литовского государства. Во всех версиях описания чуда в качестве очевидцев фигурируют два находившихся в московском плену выходца из Речи Посполитой. Представляется вполне вероятным, что патриарх действительно общался с кем-то из пленных поляков, даже если и не посещал их лично в тюрьме: известно, что Никон очень бла-

9 *Rechowicz M. Kulczyński Ignacy // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1971. T. 16. S. 138–139.*

10 У него история Никона излагается на с. 133–135. О двух небольших, но существенных деталях, которые отличают версию Кульчинского от проповеди Важинского, будет сказано ниже.

11 *S. Josaphat hieromartyr: documenta romana beatificationis et canonisationis / ed. A. G. Welykyj, OSBM. Romae, 1952–1967. Vol. 1–3.*

12 *Kreuzo L. Kazanie o świętobliwym żywocie u chwalebney śmierci przewielebnego w Bodze oycy Iosaphata Kvncewicza, arcybiskupa Połockiego, Witebskiego y Mścisławskiego. Wilno, 1625.*

говолит к иноземцам, которых было много даже в его личном окружении. Так, боярин Одоевский посещал в 1663 г. по велению царя опального патриарха в Воскресенском монастыре и доносил, что там у Никона проживает множество иностранцев¹³. Об особом благоволении Никона к неправославным писала и зарубежная пресса чуть более поздней эпохи — так, «Рижская газета» от 19.XI.1670 г. сообщала, что патриарх был низложен за то, что позволил лютеранам, кальвинистам и «папистам» ходить в русскую церковь¹⁴.

Известно, что пленные содержались в Москве в большой строгости и теоретически не могли вступать в контакты с соплеменниками. Но известно также и то, что такие контакты были: когда официальные представители польско-литовского государства обращались к царю с просьбой вернуть пленных, то они зачастую были лучше осведомлены о том, кто конкретно из граждан Речи Посполитой находится в плену, чем соответствующие московские органы власти. А потому о происходящем в московских тюрьмах пленные поляки вполне могли сообщить своим соплеменникам. Одним из таких источников информации мог быть и вернувшийся из плена доминиканец Суский: по картотеке доминиканского архива в г. Кракове, 28 февраля 1668 г. он находился уже в доминиканском конvente в Минске¹⁵.

Якобы произнесенная Никоном на церковном соборе фраза, что только папа Римский имеет над ним власть и имеет право его судить (что Важинский проинтерпретировал как одно из подтверждений уже состоявшегося перехода Никона в католицизм), могла стать известна в Речи Посполитой через членов польского посольства, которые посещали Москву в 1667 г. по случаю подписания Андрусовского перемирия. В реляции посланников говорится о том, что перед самым отъездом из Москвы они встречались с некоторыми греческими церковными иерархами, приехавшими на собор, а потому были в курсе, что основной причиной созыва собора было низложение Никона¹⁶. Во всяком случае,

---

13 *Берх В. Н.* Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1. С. 224–225.

14 *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995. С. 245.

15 Буквально: «instituitur in Promotorem Rosarii conventus Minscensis».

16 Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / ред. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 339.

в историографии вплоть до первой трети XX в. повторялось мнение, что информация о том, что Никон якобы перешел в католицизм, попала в Речь Посполитую именно с польским посольством 1667 г.¹⁷

Сама же приписываемая Никону фраза о том, что только папа Римский имеет над ним власть и имеет право его судить, восходит с большой долей вероятности к слухам, которые задолго до приезда в Москву польского посольства распускал противник патриарха Паисий Лигарид (ок. 1610 — 1678). Паисий в своем свидетельстве ссылался на личный разговор с Никоном¹⁸. Но Никон и сам мог дать повод к распространению домыслов о его желании апеллировать к суду папы Римского. Во время заседаний Московского собора патриарх, отвечая на обращенные к нему вопросы боярина Семена Стрешнева, процитировал III канон Сардийского поместного собора (343–344): «Аще кто из епископов имеет дело с братом своим и соепископом: ни который из них не призывает в посредники епископов из иных областей <...> да напишется от сих к епископу Римскому»¹⁹. Ссылкой на данный канон Никон, конечно же, не хотел сказать, что собирается требовать, чтобы его судил сам папа Римский, — он всего лишь хотел обосновать неправомочность участия в Московском соборе представителей иных православных церквей, которые не имели над ним канонической власти.

Свидетельство Паисия Лигарида, сообщения в европейской прессе и привезенные из Москвы польскими дипломатами слухи — все это и могло стать одним из источников для василианских агиографов более поздней эпохи.

Сюжет о якобы имевшихся у Никона амбициях стать в России «папой, равным Римскому» вырастает также как из сплетения различных слухов и домыслов, так и из неверной интерпретации некоторых исторических фактов. Известно, что Алексей Михайлович относился к патриарху с симпатией. Никон еще во время интронизации добился от царя обещания не вмешиваться в церковные дела, а с 1652 г. в

В польскоязычных публикациях материалов посольства о факте встречи с кем-то из греческих церковных иерархов не упоминается. См.: *Relacya poselstwa Kazimierza Bieniawskiego do W. X. Moskiewskiego // Pamiętniki historyczne / wyd. L. Hubert. Warszawa, 1861. T. I. S. 73–93.*

17 *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1934. Ч. II. С. 164, 166.

18 *The Patriarch and the Tsar / translated by W. Palmer. London, 1871. Vol. I. P. XXI.*

19 *Ibid.* P. 3.

титулатуре патриарха значилось также «великий государь». Частые отлучки царя из Москвы в связи с участием в военных действиях давали Никону дополнительные возможности для укрепления своей власти. Приближенные к царю бояре считали политические амбиции патриарха чрезмерными и видели в них угрозу царской власти. Примечательно, что московская знать апеллировала именно к публикации патриархом «Константинова дара»: они считали, что с помощью данного документа Никон хотел показать, что как Константин Великий уступил Рим папе Сильвестру I, так и царь должен был бы уступить ему власть в Москве. Как мы помним, именно этот сюжет фигурировал в полоцкой василианской проповеди 1762 г. в качестве подтверждения папских амбиций Никона. Отметим в качестве примечания, что сразу за текстом «Константинова дара» в «Кормчей» следует глава о римском отпадении от православной веры — о чем ни у Важинского, ни у его предшественника Кульчинского, конечно же, не упоминается. Но этот факт, будь он известен василианам или прихожанам, собравшимся в Полоцком кафедральном соборе на проповеди по случаю дня Иосафата Кунцевича, поставил бы под сомнение достоверность истории об обращении Никона в католицизм.

Весьма вероятно, что на отчасти придуманную историю о властных амбициях Никона наложились впоследствии и реальные исторические события, связанные с несостоявшимся проектом учреждения в Москве папского престола наподобие папской кафедры в Риме. Впервые о существовании подобных проектов написал Василий Татищев. Рассказывая в своем труде о царствовании сына Алексея Михайловича — Федора Алексеевича, Татищев упоминает о встрече последнего в 1676 г. с осевшим в Москве выходцем из Речи Посполитой Симеоном Полоцким, который был сторонником идеи основания четырех патриарших кафедр в России и поставления Никона над ними в качестве своеобразного папы²⁰.

На протяжении долгого времени сообщение Татищева считалось вымыслом, пока не было найдено подтверждение его слов в других источниках той эпохи. Павел Седов считает, что проект учреждения папской кафедры в Москве мог быть частью грандиозной церковной реформы 1680-х гг., которая, правда, не была реализована в полном объеме, но заложила основы для позднейших церковных преобразований Петра Великого. Правдоподобность всей истории придает и то обстоятельство, что титул «папа» не был чем-то необычным для

---

20 Татищев В. Н. История Российская. СПб., 2014. Т. 1. С. 518.

православного мира конца XVII в. — подобный титул носил тогда, например, патриарх Александрийский²¹.

Сообщение Татищева, правда, не могло стать для василиан непосредственным источником — «История Российская» была впервые опубликована уже после смерти ее составителя в 1768 г. Но в конце XVII — первой половине XVIII в. о проектах учреждения в Москве папского престола упоминается в ряде дипломатических источников. Голландский резидент в Москве Иоганн ван Келлер писал в своем донесении от 5 сентября 1681 г., что только смерть Никона помешала ему быть провозглашенным папой. Датский посланник Георг Грунд в своем докладе королю Фредерику IV приписывает инициативу учреждения в России папства именно Никону, а все действия переносит в эпоху правления Алексея Михайловича. Грунд утверждает, что на притязания Никона царю открыла глаза его родная сестра (не называя, правда, эту сестру по имени)²².

Примечательно, что в версии Кульчинского в качестве разоблачителя амбициозных планов Никона также фигурирует сестра царя — Ирина (1627–1679), в то время как в василианской проповеди 1762 г. об амбициозных планах Никона царю рассказывают представители московской знати. Подобное расхождение в деталях между Кульчинским и Важинским может говорить о том, что они черпали данную информацию из разных источников.

Таким образом, в описании обращения Никона в католицизм при чудесном посредничестве Иосафата Кунцевича и всех сопутствующих этому обращению обстоятельств сплелись как реальные исторические события и неверная интерпретация отдельных высказываний самого патриарха, так и различные слухи и домыслы. Необходимо также задаться вопросом о том, с какой целью именно данное «чудо», совершенное первым униатским мучеником, актуализируется в василианской литературе первой трети — середины XVIII в.

Исследователи единодушно отмечают, что культ Кунцевича постепенно угасает на протяжении второй половины XVII в., несмотря на значительные усилия униатского духовенства: так, например, митрополит Киприан Жоховский (1635–1693) включил день почитания Кунцевича (26 сентября) в новый «Служебник» 1692 г., канонически распространяя его на всю униатскую митрополию. В начале XVIII в.

21 *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 428, 432.

22 Там же. С. 427–428.

какие-то элементы культа Иосафата присутствовали преимущественно в василианских центрах в окрестностях Полоцка²³. В епархиях же, которые присоединились к унии лишь в начале XVIII в., культ Кунцевича на приходском уровне вообще не получил какого-либо распространения²⁴.

Свою проповедь Важинский начинает с сетований на то, что даже в самом Полоцке о Кунцевиче почти забыли: если раньше полочане любили его и почитали, то в настоящее время «в сердцах почти погасло благочестие к этому мученику <...> даже в день его святой годовщины (кто бы мог ожидать?) я вижу [в церкви] очень незначительную группу людей»²⁵. История о Никоне могла быть упреком полочанам за отсутствие религиозного рвения в почитании Кунцевича, сумевшего обратиться в истинную веру даже такого видного иерарха схизматиков. Это чудо могло стать одним из стимулов оживления культа первого униатского мученика за веру. Тем более что в агиографической традиции основная часть совершенных Кунцевичем уже после его смерти чудес связана именно с обращением в унию как православных, так и представителей других христианских конфессий и даже иудеев. Удивляет лишь то, что в качестве примера Важинский не апеллирует к истории «чудесного обращения» другого православного иерарха — Мелетия Смотрицкого (ок. 1578 — 1633). О том, что Мелетий перешел в унию именно благодаря чудесному влиянию на него Кунцевича, писал митрополит Иосиф Рутский (ок. 1574 — 1637) в 1627 г. в письме к секретарю Конгрегации пропаганды веры Франческо Инголи (*Francesco Ingoli*, 1578–1649). Данное чудо было включено впоследствии в состав актов беатификации Кунцевича XVI в.²⁶ Фигура Мелетия могла быть, как представляется, более подходящей в качестве назидательного примера, поскольку он проживал в пределах Киевской митрополии. Выбор фигуры Никона был, вероятно, сделан под влиянием актуальных для жителей восточных рубежей Речи Посполитой событий той эпохи: разорение Полоцка во время Северной войны войсками царя Петра Великого и последовавший за этим экономический упадок города, а также вмеша-

23 *Скоцилас I*. Релігія та культура Західної Волині на початку XVIII ст. За матеріалами Володимирського собору 1715 р. Львів, 2008. С. 30–32.

24 *Балик I. Б.* З історії культу св. Йосафата в Перемиській єпархії (XVII/XVIII ст.) // AOSBM. CCL anno a Martyrio S. Iosaphat vertente. 1973. Vol. VIII (1–4). P. 47–61.

25 *Ważyński S. P.* Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kuncewicza. K. A2.

26 *S. Iosaphat hieromartyr*. Vol. I. P. 75.

тельство России накануне Первого раздела Речи Посполитой в решение диссидентского вопроса формировали негативный образ России в том числе и среди приверженцев униатской церкви. А потому история об обращении в католицизм именно московского патриарха, или иерарха враждебной державы и церкви, делала Иосафата Кунцевича в глазах враждующих особо чудодейственным святым.

Источники и литература

Балик І. Б. З історії культу св. Йосафата в Перемиській єпархії (XVII/XVIII ст.) // *Analecta Ordinis S.[ancti] Basilii Magni* = Записки Чина св. Василя Великого. CCL anno a Martyrio S. Iosaphat vertente. Romae, 1973. Vol. VIII (1–4). P. 47–61.

Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб.: Издал И. Слѣнин (тип. Х. Гинце), 1831. Ч. 1. VIII, 316 с.

Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви / [подгот. текста, сост. и предисл. П. В. Калинина]. М.: Русский Двор; Сергиев Посад: Паломник, 1995. 407 с.

Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч. II: Учение патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении. Варшава: [б. и.], 1934. 384 с.

Исторический рассказ о путешествии польских послов в Москву, ими предпринятом в 1667 г. // *Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов)* / [отв. ред. и автор вступ. ст. Н. М. Рогожин; сост. и коммент. Г. И. Герасимова]. М.: Международные отношения, 1991. С. 320–341. (Россия в мемуарах дипломатов).

Кормчая книга. М.: Московский Печатный двор, 1653. [763 л., фолиация на церковнославянском, отдельная по главам].

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с., [4] л. ил.

Скочиляс І. Релігія та культура Західної Волині на початку XVIII ст. За матеріалами Володимирського собору 1715 р. / Національна академія наук України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Львівське відділення; Український католицький університет; Інститут історії Церкви; [наук. ред. Я. Дашкевич]. Львів: [б. и.], 2008. 80 с.

Татищев В. Н. История Российская. СПб.: Лань, 2014. Т. 1. 571 с.

Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kunczewicza Arcybiskupa Połockiego... drogiemi kamieńmi cudow... sadzona... od jednego kapłana... z łacińskiego języka polskim objaśniona, y do Druku podána. Wilno, 1673.

Kreuza L. Kazanie o świętobliwym żywocie y chwalebney śmierci przewielebnego w Bodze oycza Iosaphata Kvncewicza, arcybiskupa Połockiego, Witebskiego y Mścisławskiego. Wilno, 1625.

Kulczyński I. Specimen ecclesiae ruthenicae ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum s. sede apostolica romana semper unitae exhibitum. Romae: typis H. Mainardi, 1733.

Rechowicz M. Kulczyński Ignacy // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław: Polska akademia nauk, Instytut Historii; Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971. T. 16. S. 138–139.

Relacya poselstwa Kazimierza Bieniawskiego do W. X. Moskiewskiego. 1667 // Pamiętniki historyczne / wyd. L. Hubert. Warszawa: Jan Jaworski, 1861. T. 1. S. 73–93.

S. Josaphat, hieromartyr: documenta romana beatificationis et canonizationis / coll., adnotationibus illustravit nec non introd. auxit P. Athanasius G. Welykyj, OSBM. Romae: Sumptibus PP. Basilianorum, 1952–1967. Vol. 1–3. (Analecta Ordinis S. Basilii Magni = Записки Чина св. Василя Великого: Documenta Ecclesiae Unitae in terris Ucrainae et Bělorussiae).

Staropolskie piśmiennictwo hagiograficzne / red. A. Witkowska, J. Nasalska. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2007. T. 1–2.

The Patriarch and the Tsar. Vol. 1: The replies of the humble Nicon: by the mercy of God Patriarch, against the questions of the boyar Simeon Streshneff and the answers of the Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides / translated from the Russ by W. Palmer. London [et al.]: Trübner and Co [et al.], 1871. 674 p.

Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kunczewicza... miane w katedrze Połockiej. Wilno, 1762.

References

Balyk, I. B. “Z istoriï kul’tu sv. Īosafata v Peremys’kiï ieparkhiï (XVII/ XVIII st.)” *Analecta Ordinis S.[ancti] Basilii Magni. CCL anno a Martyrio S. Iosaphat vertente*, vol. 8, no. 1–4, Romae, 1973, pp. 47–61.

Evgeniï (Bolkhovitinov), Metropolitan. *Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisateliakh dukhovnogo china Greko-Rossiiskoi Tserkvi*, ed. by P. V. Kalitin, Moscow: Russkii Dvor, Sergiev Posad: Palomnik, 1995, 407 p.

“Istoricheskiï rasskaz o puteshestvii pol'skikh poslov v Moskoviiu, imi predpriniamtom v 1667 g.” *Proezzhaia po Moskovii (Rossiia XVI–XVII vekov glazami diplomatov)*, ed. by N. M. Rogozhin, compiler G. I. Gerasimova, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1991, pp. 320–341.

Rechowicz, M. “Kulczyński Ignacy.” *Polski Słownik Biograficzny*, vol. 16, Wrocław: Polska akademia nauk, Instytut Historii: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971, pp. 138–139.

S. Josaphat, hieromartyr: documenta romana beatificationis et canonizationis, coll., adnotationibus illustravit nec non introd. auxit P. Athanasius G. Welykyj, OSBM (Analecta Ordinis S. Basilii Magni: Documenta Ecclesiae Unitae in terris Ucrainae et Bělorussiae), vol. 1–3, Romae: Sumptibus PP. Basilianorum, 1952–1967.

Sedov, P. V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiï dvor kontsa XVII veka*. Saint Petersburg: Dmitriï Bulanin, 2006, 604 p.

Skochyliias, I. *Relihiia ta kul'tura Zakhidnoï Volyni na pochatku XVIII st. Za materiialamy Volodymyrs'koho soboru 1715 r.* Lvov: s. n., 2008, 80 p.

Witkowska, A., and J. Nastalska, editors. *Staropolskie piśmiennictwo hagiograficzne*, vols. 1–2, Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2007.

Zyzykin, M. V. *Patriarkh “Nikon”. Ego gosudarstvennye i kanonicheskie idei*, pt. 2, Warsaw: Sinodal'naia tipografiia, 1934, 327 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.01

Korzo M. A.

Josafat Kuntsevych and “Marvelous Conversion” of the Patriarch Nikon: The Story of one Legend

Margarita A. Korzo

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

109240, Goncharnaya st. 12/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: korzor@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6299-5187

Citation

Korzo M. A. Josafat Kuntsevych and “Marvelous Conversion” of the Patriarch Nikon: The Story of one Legend // Slavic Almanac. 2021.

No 1–2. P. 12–25 (in Russian).

Received: 30.11.2020.

Abstract

The hagiographic works of the late 17th — first half of the 18th century related to the figure of the first martyr of the Uniate Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth, Josaphat Kuntsevych (1580–1623), describe the “miraculous conversion” of the Patriarch of Moscow Nikon (1605–1681) to Catholicism. This event is associated with Nikon’s profanation of the image of Josaphat, and the subsequent repentance of the Patriarch and his appeal to the intercession of Kuntsevych. The conversion of Nikon, according to the Uniate hagiographers, became the main reason for the subsequent disgrace and detronization of the Patriarch. The description of this “miracle” created around 1672 (*Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kuncewicza*, Wilno 1673) is overgrown later with various details and circumstances that are born of rumors and speculations, but also reflect a certain historical reality, albeit in a somewhat distorted form. The article analyzes the latest known version of the “miracle” (S. P. Ważyński, *Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kuncewicza*, Wilno 1762) and discusses the stages of different plot lines formation. Assumptions are made about which real events could influence the folding of the legend, and why this legend is especially actualized in the Uniate hagiography of Kuntsevych in the middle of the eighteenth century.

Keywords

Uniate hagiography, Josaphat Kuntsevych, Patriarch of Moscow Nikon.